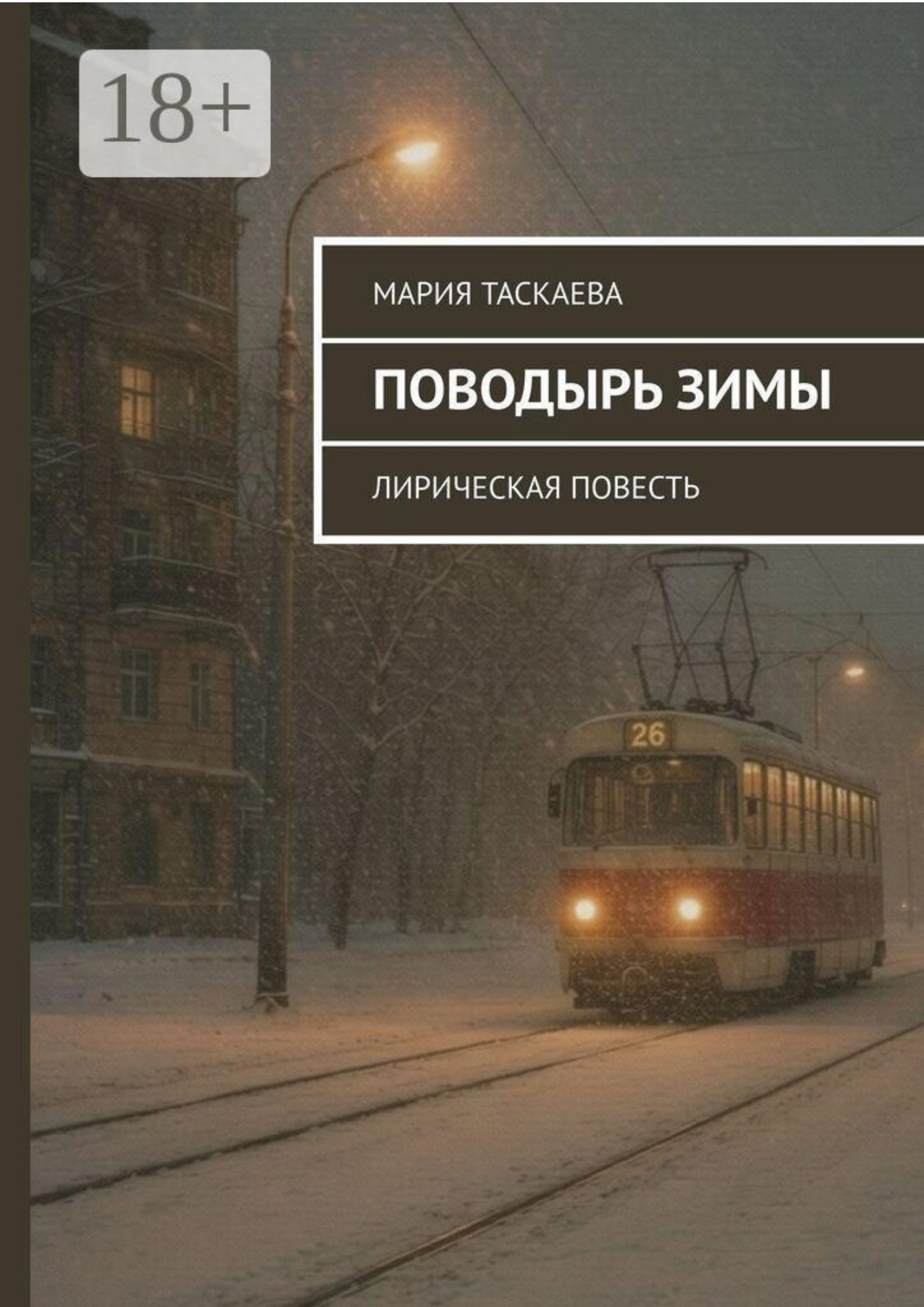

18+
МАРИЯ ТАСКАЕВА
ПОВОДЫРЬ ЗИМЫ
ЛИРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ
26

Мария Таскаева

Поводырь зимы. Лирическая повесть

«Издательские решения»

Таскаева М.

Поводырь зимы. Лирическая повесть / М. Таскаева — «Издательские решения»,

«Поводырь зимы» — книга о прощании с зимой, которая затянулась на 33 года… А есть ли правда в разговоре, когда говорить уже не с кем?

© Таскаева М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 7
Глава 3 8
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Поводырь зимы
Лирическая повесть

Мария Таскаева

© Мария Таскаева, 2026

ISBN 978-5-0071-6046-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Все покрывает, всему верит, всего надеется,
все переносит.
1 Кор. 13:4—8

Зима — плотный матовый воздух, монолитное время ожидания. Сейчас 1993 год, Свердловск промёрз до корней, земля вросла в архитектуру каменных стен и тротуаров. То тут, то там, как случайные аппликации, — закутанные в шали и шарфы прохожие. Трамваи и автобусы скрипят, разворачивая свои стальные тела неохотно, потому что спят на ходу.

Я жду свой трамвай на Волгоградской, мне скучно, холодно и хочется домой. И не хочется. Я приезжала в больницу к маме, её опять положили. Надо было навестить, привезти какие-то вещи — немного, сколько смогу, самое нужное. Мы с ней сидели в коридоре на облупленном дерматиновом диванчике возле окна, народу никого. Она сказала, что, наверное, будет операция, а мне было неловко, очень не хотелось на неё смотреть. Потому что я видела, что ей страшно. И чувствовала запах её слёз. Вы знаете, как пахнут слёзы? Они пахнут снегом.

Мы побыли вместе минут пятнадцать. Мама спросила, сходила ли я с дедом к зубному, и ещё о чём-то житейском. Передала ему записку, свёрнутую треугольником. Больше ничего не помню. В памяти белым-бело.

Потом я пошла на трамвай. И вот стою уже минут пятнадцать на остановке, а трамвая всё нет и нет. Снег утоптан в наст, твёрдый и сухой. Странно, что снег сухой. Я долблю его носком ботинка, проковыряла уже глубокую ямку, виднеется чёрный асфальт. А трамвая всё нет. Пальцы на ногах покалывает, они начинают неметь и болеть.

С остановки видно здание больницы, оно прямо через дорогу. Я поднимаю глаза, смотрю на него. На огромное ненавистное светло-серое сооружение. В торце, третьем сверху окне, вижу силуэт. Всё это время мама стоит у окна, провожает меня. Она, конечно, знает, что я замёрзла, трамвая скоро полчаса как нет.

На маме тёмно-коричневый вельветовый халат, похожий на кимоно. Сегодня очень яркое морозное солнце, стёкла бликуют, и фигуру плохо видно сквозь слепой ноябрьский свет. Мне двенадцать лет.

***

В большой комнате кружится золотой пыльный луч солнца. Тихо дома, в доме тихо. Старые настенные часы басовито и мерно отсчитывают минуты к полудню. Время дремлет. Дед пишет что-то, сидя за столом, курит. День как день. Всё привычно, размеренно, никак. В школу ко второй смене.

Глава 2

Вокруг мамы всегда всех было очень много. Наверное, потому, что она очень любила людей. Или себя среди людей. Она была мастером диалога, умела слушать и слышать каждого, принимать, впускать в дом. Сопереживать, направлять, объяснять — всё это рефлекторные привычки учителя, которые прорастают в повседневность прочно и глубоко, как осот в грядку. Если холодно, то тебя обязательно накормят и чаем напоят. Если пьян — спать уложат в соседней комнате, чтобы не сгинул в дождливую ночь. И своих детей, и чужих, как своих.

Когда квартира наполнялась гостями, я обычно сидела у себя в комнате, играла в куклы. Или шла к деду книжку почитать, в шашки, уголки поиграть, на пианино позаниматься.

А мамины люди не заканчивались. Не каждый, разумеется, день, но время от времени раздавался звонок, а на закрытой двери в большую комнату крепилась бумажка «У меня урок». Это значило не заходить и не отвлекать.

Да, мне хотелось, чтобы все понимали, что вот я — дочка, а вы — гости. Хотелось тоже быть участником этой суеты. Но нужно было ещё немножечко подрасти. Тогда я завидовала неосознанно, а сейчас вполне осознанно.

На маленьких детей у мамы не очень хватало терпения, а может, и любви именно потому, что с маленькими особо не поговорить. А со взрослыми уже и неинтересно. Вот молодёжь — да, это была её аудитория, разбираться в жизни, в литературе, в любви. Необъятное поле свежей взрыхлённой земли, в которой и картошка прорастёт, и травы, и цветы.

Глава 3

Как-то летом я насобирала клубники в огороде, надавила её с сахаром и с удовольствием уплетала. А мама почему-то расстроилась. Оказалось, она мне тоже собрала кружку ягод и молока налила, а я не заметила.

Как-то перед сном, засыпая, я лежала и смотрела на маму. Её кровать была напротив моей, она лежала и читала. Почувствовав мой взгляд, она посмотрела на меня строго и попросила этого не делать, потому что целыми днями на неё смотрят десятки глаз в училище, и она очень от этого устаёт.

Люди, идущие к ней, — проходили сквозь неё. И не бесследно. А я иногда и приблизиться не могла.

Она всё проживала подробно, до последней запятой. Она даже книгу читала с карандашом в руках. Пометки на полях, бумажные закладки — все они уже пожелтели и рассыпаются в пальцах, но что-то ещё сохранилось.

Когда нам удавалось побыть наедине, это была самая обычная житейская жизнь:

Я учила маму грызть семечки.

Иногда она сердилась на меня, что я не убралась на столе, и в стенном шкафу бардак.

Я готовила для неё праздничные бутерброды со шпротами на день учителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.